

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ и другие против ТУРЦИИ

Судебное решение от 25 мая 1998 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Социалистическая партия (СП), первый заявитель, была основана 1-го февраля 1988 г. и распущена в октябре 1992 г. решением Конституционного суда. Г-н Илхан Кирит и г-н Догу Перинчек, второй и третий заявители, были соответственно председателем и бывшим председателем партии. Они проживают в Стамбуле.

15 февраля 1988 г., через две недели после основания партии Генеральный прокурор обратился в Конституционный суд с требованием о ее роспуске, утверждая со ссылками на программу партии, что она стремится установить в стране диктатуру пролетариата.

8 декабря того же года Конституционный суд отклонил запрос как необоснованный: по его мнению, политические цели партии, сформулированные в программе, не противоречили Конституции.

14 ноября 1991 г. Генеральный прокурор вторично обратился в Конституционный суд. Ссылаясь на публикации СП и заявления ее руководителей, в том числе во время избирательной кампании по выборам в Парламент, он утверждал, что деятельность партии направлена на подрыв территориальной целостности государства и единства нации, что является нарушением пяти статей Конституции и трех статей Закона № 2820 (О политических партиях).

В своем решении от 10 июля 1992 г., опубликованном от 25 октября 1992, Конституционный суд объявил о роспуске СП. Это повлекло за собой *ipso jure* конфискацию и передачу имущества СП в Казначейство и запрещение ее руководителям занимать любой подобный пост в будущем.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе заявителя в Комиссию поданной 31 декабря 1992 г. утверждалось, что были нарушены несколько статей Конвенции — 6, 9, 10, 11 взяты отдельно и в сочетании со статьей 14, а также статьи 1 и 3 Протокола № 1. Жалоба была признана частично приемлемой.

В своем докладе от 26 ноября 1996 г. Комиссия установила факты и единогласно пришла к выводу, что:

- (a) имело место нарушение статьи 11 Конвенции,
- (b) не было нарушения статьи 6, п. 1 Конвенции;

- (с) нет отдельного вопроса по статьям 9 и 10 Конвенции;
(d) нет необходимости рассматривать отдельно, имело ли место нарушение статей 14 и 18 Конвенции и статей 1 и 3 Протокола № 1.
Комиссия передала дело в суд 27 января 1997.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 11 Конвенции

24. Заявители утверждали, что роспуск Социалистической партии (СП) и запрет ее руководителям занимать подобные посты в любой другой политической партии нарушили их право на свободу ассоциаций, гарантируемое статьей 11 Конвенции, которая предусматривает:

“1. Каждый человек имеет право на свободу мирного собрания и на свободу ассоциаций с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства”.

Применимость статьи 11

Аргументы сторон Заявители

Заявители утверждали что политические партии, несомненно, подпадают под действие статьи 11.

(b) Правительство

26. В своем меморандуме Правительство утверждало, что статья 11 ни в коем случае не применима к политическим партиям. Если в своем уставе и программе партия подвергает нападкам конституционный строй государства, Суд должен объявить, что Конвенция не применима *ratione materiae*, или применить статью 17.

27. Деятельность СП явно свидетельствует о том, что ее цели несовместимы с фундаментальными конституционными принципами Турции. Из ее заявления очевидно, что партия признает за гражданами курдского происхождения статус “нации” и “народа” и право на “образование отдельного государства”, что она выступала за учреждение федерации, не исключая даже создания федеральных образований, имеющих право открывать кон-

сульства в других странах. Поскольку это было равнозначно тому, чтобы ставить под сомнение саму основу государства, Конституционный суд должен был рассмотреть конституционность такой политической цели. Выполняя эту задачу, он следовал линии, намеченной решениями Конституционного суда Германии от 31 октября 1991 г. о праве лиц с иностранным гражданством принимать участие в голосовании на выборах в местные органы и Конституционного Совета Франции от 9 мая 1991 г. о статусе Корсики.

Во время разбирательства Правительство утверждало, что государства — участники Конвенции не имели никогда намерения поставить под контроль органов Совета Европы свои конституционные институты, и в особенности принципы, которые они рассматривали как необходимые условия их существования. По этой причине политическая партия типа СП, поставившая эти институты или принципы под сомнение, не может требовать применения Конвенции или ее Протоколов, поскольку предмет спора в настоящем деле не свобода ассоциаций, но право на самоопределение, которое не входит в сферу действия Конвенции.

В крайнем случае в отношении СП следует применить статью 17 Конвенции, поскольку партия стремилась оправдать использование насилия и возбудить ненависть к Турецкому государству, а также к неправомерному разделению всего народа на два противостоящих лагеря. Выполняя эту задачу, СП говорила тем же языком, что и Рабочая партия Курдистана (РПК); СП не отмежевывалась ни от одного из методов последней. Конституционный суд, в своем решении о роспуске СП, отметил, что деятельность партии подпадает под действие статьи 17 Конвенции.

(с) *Комиссия*

28. Комиссия выразила мнение, что в тексте статьи 11 не содержится ничего, что ограничивало бы сферу ее действия особой формой ассоциации или группы или предполагало бы, что она не распространяется на политические партии. Напротив, если рассматривать статью 11 как юридическую гарантию, которая обеспечивает надлежащее функционирование демократии, то политические партии представляют одну из наиболее важных форм ассоциации, защиту которых она предусматривает. В этой связи Комиссия упомянула целый ряд решений, в которых она рассмотрела в соответствии со статьей 11 различные ограничения деятельности политических партий и даже роспуск таких партий, тем самым подтверждая, что статья 11 применяется к этому типу ассоциаций (см. дело Коммунистической партии Германии, жалоба № 250/57, *Annuaire*, т. 1 с. 225; греческое дело, *Annuaire* т. 12, с. 170, п. 392; дело *Франции, Норвегии, Дании, Швеции и Нидерланды против Турции*, жалобы № 9940-9944/82, D.R. 35, с. 143).

Во время разбирательства в Суде представитель Комиссии также заявил, что не было необходимости применять статью 17 Конвенции, поскольку ни программа СП, ни заявления, сделанные г-ном Перинчеком и ставшие предметом судебного разбирательства, не указывали на то, что речь шла о ликвидации прав и свободы, защищаемых Конвенцией.

Оценка Суда

В своем решении по делу *Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции* от 30 января 1998 г., Суд указал, что

политические партии представляют собой форму ассоциации, жизненно необходимую для надлежащего функционирования демократии, и что ввиду важности демократии в системе Конвенции не может быть сомнения, что политические партии подпадают под действие статьи 11. С другой стороны, Суд отметил, что ассоциация, в том числе политическая партия, не может быть лишена защиты, предоставляемой Конвенцией, лишь потому, что ее действия расцениваются национальными органами власти как подрыв конституционных основ государства и требуют применения запретительных мер. Суд не видит никакого основания в настоящем деле, чтобы прийти к другому заключению.

Что касается применения статьи 17, Суд обратится к этому вопросу позже (см. п. 53 ниже).

В. Соблюдение статьи 11

Наличие вмешательства

Все заявители подтвердили, что роспуск СП являлся вмешательством в их право на свободу ассоциаций. Такое же мнение сложилось и у Суда.

Было ли вмешательство оправданным

31. Вмешательство является нарушением статьи 11, если оно не “предусмотрено законом”, не преследует одну или более парвомерных целей согласно п. 2 и “необходимо в демократическом обществе” для достижения этих целей.

(a) Предусмотрено законом

32. Все сошлись во мнении, что ограничение было “предусмотрено законом”, поскольку оспариваемые решения Конституционного Суда, основывались на статье 2, статье 3 п. 1, статье 6, статье 10 и статье 14 п. 1 и бывшей статье 68 Конституции, а также статьях 78, 81 и 96 (3) Закона № 2820 о политических партиях.

(b) Правомерная цель

33. Правительство утверждало, что ограничение преследовало целый ряд правомерных целей: обеспечение государственной безопасности, общественного спокойствия и территориальной целостности и защиты прав и свобод других лиц. Если Суд признал в судебном решении по делу *Хаджианастасиу против Греции* от 16 декабря 1992 г. (Серия А, 1998, т. 252), что государственной безопасности может нанести вред даже отдельный случай шпионажа, то тем более обоснован такой вывод применительно к настоящему делу, где угрозе подвергается само существование государства — участника Конвенции.

34. Заявители отметили, что прокуратура ни на какой стадии процедуры в Конституционном суде не ссылалась ни на государственную безопасность, ни на общественное спокойствие.

Комиссия полагала, что запрещение деятельности, которая, по мнению властей, могла бы привести к краху государства или к разделу его территории, можно считать направленной на защиту “национальной безопасности” и территориальной целостности.

36. Суд считает, что роспуск СП преследовал по крайней мере одну из “правомерных целей”, изложенных в статье 11, — “защита национальной безопасности”.

(с) “Необходимо в демократическом обществе”

Аргументы сторон

(1) заявители

37. Заявители утверждали, что в плюралистической демократической парламентской системе, люди должны иметь право выражать свое мнение относительно курдской проблемы и путей ее решения. СП была политической партией, которая пользовалась поддержкой части общественного мнения, и должна была иметь право претендовать на власть.

У СП не было никакого сходства с Коммунистической партией Германии, которая была в свое время запрещена Федеральным Конституционным судом Германии (обращение № 250/57, Ежегодник 1, с. 225). Иначе Конституционный суд Турции не отклонил бы 8 декабря 1988 г. первое обращение о роспуске СП (см. п. 10 выше). В том решении Конституционный суд констатировал, что устав и программа партии находятся в соответствии с Конституцией и что она является частью демократической системы страны и отрицает терроризм.

СП никогда не предпринимала незаконных действий, и лучшее тому доказательство то, что бывший в то время ее председателем г-н Перинчек стал теперь председателем другой политической партии, — Рабочей партии, которая ведет свою работу вполне законными методами.

СП всегда считала, что Турция должна быть единым государством. Федеральная система, которую она предлагала в качестве решения курдской проблемы, не нарушила бы государственного единства. Германия и Швейцария являются федеративными государствами, и никто не усматривал в этом статусе программу разделения страны. Что касается Турции, федеративное устройство обеспечило бы ее гораздо более стабильное развитие.

Правительство

Правительство утверждало, что любое сходство между настоящим делом и делом Объединенной коммунистической партии Турции (ОКПТ) было бы лишь внешним, единственное реальное сходство заключалось в том, что обе партии были распущены по решению Конституционного суда. В случае ОКПТ задача Конституционного суда состояла в том, чтобы определить, соблюдают ли программа и устав партии Конституцию и Закон о политических партиях. В деле СП, с другой стороны, как ясно объяснил в своем решении Конституционный суд, судом должен был определить, соответствовала ли деятельность СП ее учредительным документам.

После первого рассмотрения вопроса о конституционности партии (см. п. 9—10 выше) появились новые факты и доказательства о деятельности

СП, которые Комиссия в отличие от Конституционного суда не приняла во внимание. Они свидетельствуют, что с 1990 г., и в особенности в 1991 г., СП в своей деятельности полностью отошла от своего первоначального подхода, отраженного в ее учредительных документах, и занялась подрывом фундаментальных концепций, которыми руководствовалась Республика Турция с момента ее образования.

Такой отход был особенно заметен в речах, позже опубликованных в партийных изданиях, произнесенных председателем СП г-ном Перинчеком на собраниях, съездах и политических митингах. Он использовал сильный, энергичный и провокационный язык, очернял все другие политические партии и пытался оттаивать использование насилия и террористических методов, призывая к восстанию, используя *inter alia* выражение “*Ayaga kalk*”, которое означает “поднимайтесь”. Конституционный суд исходя из этого пришел к выводу, что речи и методы СП были совершенно несовместимы с ее призывами к братству и равенству.

39. Ссылаясь на анализ ситуации в Турции, сделанный Судом в его решении по делу *Зана против Турции* от 25 ноября 1997 г. (Reports, 1997-VII), Правительство заявило, что в 1990 и 1991 гг. произошло вопиющее увеличение террористической деятельности, которая повлекла гибель тысяч людей и не щадила ни женщин, ни детей. В такой обстановке заявления известного политического лидера не могли не усугубить насилие и ненависть. К этой ситуации неприменимы судебные прецеденты, устанавливающие, что свобода выражения мнения распространяется и на заявления, которые оскорбляют, шокируют или вызывают раздражение. В настоящем деле речь идет не о политических дебатах по политическим и экономическим проблемам, представляющим интерес для страны в целом, а о подстрекательстве к участию в кровопролитном и жестоком конфликте между двумя частями населения, которое пользовалось без какой-либо дискриминации всеми правами и привилегиями, сформулированными в Конституции и законе.

В этой связи Правительство ссылалось, как и в деле ОКПТ, на практику Комиссии, согласно которой, если вмешательство в право преследует правомерную цель защиты публичного порядка, территориальной целостности, общественного интереса или демократии, Конвенция не требует, чтобы риск насилия оправдывающий вмешательство был реальным, актуальным или неизбежным.

Оспаривая необходимость вмешательства, что является предметом рассмотрения в настоящем деле, неуместно ссылаться на оправдательные приговоры в отношении г-на Перинчека, вынесенные судами государственной безопасности. Это два разных вида судебного разбирательства, каждое из которых преследует отличные цели: первый — уголовное судопроизводство, когда Суд выносит решение о личной ответственности лиц второй — конституционное судопроизводство, похожее на то, что имеет место в Европейском Суде, — когда единственной рассматриваемой проблемой является совместимость политической партии с Конституцией, что требует применения других критериев.

(3) Комиссия

40. Комиссия полагала, что роспуск СП не был необходимостью в условиях демократического общества. Она отметила, что г-н Перинчек ранее подвергался преследованию в судах по уголовным делам по тем же обвине-

ниям, которые фигурируют в настоящем деле, но был оправдан. Комиссия пришла к выводу, что даже в глазах турецких судебных властей данные публикации не содержали ничего, что имело целью побудить экстремистские или террористические группы разрушить конституционный строй государства или образовать с применением силы курдское государство.

Комиссия также отметила, что СП стремилась достигнуть своих политических целей, используя исключительно законные средства; не было доказано какое-либо намерение СП посягать на демократию и плюрализм в Турции или на основные права человека, пропагандируя расовую дискриминацию.

Оценка Суда

41. Суд напомнил, что, несмотря на ее автономную роль и особую сферу применения, статья 11 должна также рассматриваться в свете статьи 10. Защита мнений и свободы выражать их — одна из целей свободы собрания и создания ассоциации, как сказано в статье 11. Это в еще большей степени относится к политическим партиям ввиду их существенной роли в обеспечении плюрализма и успешного функционирования демократии.

Суд много раз подчеркивал, не может быть никакой демократии без плюрализма. Именно по этой причине свобода выражения своего мнения (статья 10) с оговорками п. 2, охватывает не только “информацию” или “идею”, которые воспринимаются благожелательно или расцениваются как неоскорбительные или маловажные, но также и те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают раздражение. Поскольку деятельность политических партий является коллективной реализацией свободы выражения мнений, уже сам этот факт дает им право искать защиту статей 10 и 11 Конвенции (см. среди других упомянутое выше судебное решение по делу Объединенной коммунистической партии Турции, п. 42—43).

42. Что касается настоящего дела, необходимо в первую очередь отметить, что в своем решении от 10 июля 1992 г. Конституционный суд исходил из того, что он уже не должен рассматривать, соответствовали ли программа и устав СП требованиям закона, а лишь, не нарушала ли ее политическая деятельность установленные законом запреты. Принимая решение о роспуске партии, Конституционный суд основываясь на публичных заявлениях г-на Перинчека — некоторые из них в письменной форме, — которые Суд рассматривал как новые факты и свидетельства о деятельности СП (см. п. 15 выше). Отсюда вытекает, что Суд может ограничиться изучением этих заявлений.

Конституционный суд отметил, что, делая различие между двумя нациями: курдами и турками, г-н Перинчек утверждал, что наличие национальных меньшинств в Турции, в конечном счете должно привести к созданию курдо-турецкой федерации в ущерб единству турецкой нации и территориальной целостности государства. В области идеологии СП была противницей национализма Ататюрка, важнейшего принципа, на котором зиждется Республика Турция. Несмотря на использование других методов, цель политической деятельности СП была аналогична цели террористических организаций. Поскольку СП боролась за сепаратизм и восстание, ее роспуск был оправдан (см. п. 15 выше).

44. С учетом этих факторов Суд должен был в первую очередь рассмотреть суть заявлений по спорному вопросу и затем определить, оправдан ли роспуск СП.

В отношении первой проблемы Суд напомнил, что при этом его задача состоит не в том, чтобы подменять собой юрисдикцию национальных органов власти, а в том, чтобы рассмотреть в свете статьи 11 те решения, которые они вынесли, осуществляя свои полномочия. Выполняя эту задачу, Суд должен был убедиться, что национальные органы власти основывались в своих решениях на приемлемой оценке относящихся к делу фактов (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше судебное решение по делу *Объединенная коммунистическая партия против Турции*, п. 47).

Суд и ранее утверждал, что одной из основных характерных черт демократии является возможность, которую она открывает для решения проблем страны через диалог, не прибегая к насилию, даже когда этот диалог вызывает раздражение. Демократия процветает в условиях свободы выражения мнений. С этой точки зрения не может быть никакого оправдания созданию препятствий политической группе исключительно потому, что она стремится обсуждать публично ситуацию, затрагивающую часть населения государства, и участвовать в политической жизни страны, чтобы, руководствуясь демократическими правилами, найти решения, способные удовлетворить каждого заинтересованного человека (см. там же, п. 57).

Проанализировав заявления г-на Перинчека, Суд не нашел в них ничего, что могло бы рассматриваться как призыв к использованию насилия, восстанию или любой другой форме отказа от демократических принципов. Напротив, он в ряде случаев подчеркнул необходимость политической реформы, проводимой в соответствии с демократическими нормами, путем выборов и референдумов. В то же самое время он высказывался против “прежней культуры преклонения перед насилием и предостерегал от силового решения проблем межнационального и социального характера” (см. п. 13 выше).

Во время разбирательства представитель Правительства заявил, что г-н Перинчек “оправдывал использование насильственных и террористических методов”, в частности заявляя: “Курды проявили себя в борьбе обедневших крестьян, связав их судьбу [со своей]. Объединив тысячи людей в городах и провинциях, курды показали, на что они способны, и сломали барьеры страха”. Более того, призывая присутствующих “взращивать мужество, а не арбузы”, г-н Перинчек, по утверждению Правительства, “побуждал их прекратить всю свою деятельность, и заняться разрушением общественного строя”. Наконец, его фраза “курдский народ поднимается” была истолкована как призыв к восстанию.

Хотя Суд признал, что эти фразы были адресованы гражданам курдского происхождения, побуждали их к сплочению и отстаиванию политических требований, он не обнаружил в них какого-либо подстрекательства к применению насилия или нарушению демократических принципов. В этом отношении относящиеся к делу заявления почти не отличались от заявлений других политических групп, существующих в других странах Совета Европы.

47. Конституционный суд также подверг критике г-на Перинчека за то, что он в своих речах проводил различие между двумя нациями, курдской и турецкой, и выступал за решение проблем меньшинств учреждением курско-турецкой федерации в ущерб единству турецкой нации и территориальной целостности государства. В конечном счете СП отстаивала идеи сепаратизма.

Суд отметил, что в совокупности эти заявления составляли политическую программу, основной целью которой было учреждение в соответствии с демократическими принципами федеральной системы, в которой турки и курды имели бы равное представительство на добровольной основе. Конечно, возникал вопрос о праве “курдской нации” на самоопределение и ее праве на “отделение”; однако эти слова, употребленные в контексте заявлений, не поощряют отделение от Турции, а стремятся скорее подчеркнуть, что предложенная федеральная система не может возникнуть без свободно выраженного согласия курдов через референдум.

По мнению Суда, тот факт, что такая политическая программа оценивается как несовместимая с существующими принципами и структурами Турецкого государства, не делает ее несовместимой с принципами демократии. Сущность демократии в том, чтобы позволить выдвигать и обсуждать разнообразные политические программы, даже те, которые подвергают сомнению тот порядок, согласно которому организовано в настоящее время государство, при условии, что они не наносят ущерба самой демократии.

48. Не исключено, как и в случае с Объединенной коммунистической партией Турции (см. вышеупомянутое решение, с. 27, п. 58), что за данными заявлениями могли скрываться цели и намерения, отличные от тех, которые провозглашались публично. Однако в отсутствие конкретных действий, ставящих под сомнение то, что заявлял г-н Перинчек, не следует подвергать сомнению искренность его слов. СП была, таким образом, наказана за поведение, относящееся исключительно к осуществлению права на свободу выражения своего мнения.

Суд также отметил, что г-н Перинчек был оправдан в судах государственной безопасности, где он подвергся судебному преследованию по поводу тех же самых заявлений (см. п. 11 выше). В связи с этим Правительство тогда подчеркнуло, что данные два вида разбирательства совершенно различны, одно сводилось к применению уголовного права, другое — к применению конституционного права. Суд обращает внимание лишь на то, что турецкие суды разошлись во мнении относительно смысла утверждений г-на Перинчека.

Важно определить, можно ли в свете вышеупомянутых соображений рассматривать роспуск СП как необходимый в демократическом обществе, т. е. отвечал ли он “насущной социальной потребности” и был ли он “соразмерен правомерно преследуемой цели” (см. среди многих других источников и *mutatis mutandis* решение по делу *Фогт против Германии* от 26 сентября 1995 г. Серия А, т. 323, с. 25—26, п. 52).

50. Суд напоминает, что, учитывая важную роль политических партий в успешном функционировании демократии (см. вышеупомянутое судебное решение по делу Объединенной коммунистической партии Турции, п. 25), исключения, изложенные в статье 11, в отношении политических партий должны подвергаться узкому толкованию; только убедительные и веские причины могут оправдывать ограничения на свободу ассоциаций. Определяя, существует ли необходимость ограничений по смыслу статьи 11 п. 2, государства-участники обладают лишь ограниченным пределом усмотрения, осуществляемым в условиях строгого контроля со стороны европейских органов, охватывающего как правовые нормы, так и решения по их применению, включая те, которые выносят независимые суды (см. вышеупомянутое решение по делу Объединенной коммунистической партии Турции, п. 46).

51. Суд отметил, что рассматриваемое судебное вмешательство в свободу выражения мнения было радикальным: решение о роспуске СП вступало в силу немедленно и было окончательным, ее имущество было передано *ipso jure* Казначейству и ее руководителям, в число которых во время роспуска партии г-н Перинчек по общему признанию не входил (см. п. 14 выше), было запрещено продолжать заниматься некоторыми видами политической деятельности. Столь суровые меры могут применяться лишь в наиболее серьезных случаях.

52. Суд уже отметил, что у него не сложилось впечатления, что заявления г-на Перинчека, хотя и критические по своей направленности и содержащие большое количество требований, подвергали сомнению необходимость следовать демократическим принципам и правилам. Суд готов принять во внимание обстановку в стране, особенно трудности, связанные с предотвращением терроризма (см. решение по делу *Объединенная коммунистическая партия против Турции*, с. 27, п. 59). Однако в настоящем деле не установлено, как рассматриваемые утверждения, автор которых заявляет о приверженности демократии и неприятию насилия, могут ответственны за проблему терроризма в стране.

53. В свете упомянутых выше выводов нет необходимости обращаться к статье 17; заявления не содержат ничего, что давало бы основание для вывода, что их автор, пренебрегая Конвенцией, занялся разрушительной деятельностью, в отношении прав и свобод, предусмотренных Конвенцией (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Объединенная коммунистическая партия против Турции*, с. 27, п. 60).

Таким образом решение о роспуске СП было несоразмерно преследуемой цели и следовательно не было необходимым в демократическом обществе. Из этого следует, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

II. О предполагаемом нарушении статей 9, 10, 14 и 18 Конвенции

Заявители также утверждали, что имели место нарушения статей 9, 10, 14 и 18 Конвенции. Поскольку их жалобы касаются тех же самых фактов, Суд не счел нужным рассматривать их отдельно.

О предполагаемом нарушении статей 1 и 3 Протокола № 1

56. Заявители далее утверждали, что последствия роспуска СП — ее имущество было конфисковано и передано Казначейству, и ее руководителям было запрещено принимать участие в выборах — повлекло за собой нарушение статей 1 и 3 Протокола №1, которые предусматривают:

Статья 1

“Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов”.

Статья 3

“Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа... при выборе законодательной власти”.

57. Суд обратил внимание на то, что меры, на которые жаловались заявители, были побочным результатом роспуска СП, который, как постановил Суд, был осуществлен в нарушение статьи 11, следовательно нет необходимости рассматривать эти жалобы отдельно.

О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

Наконец, заявители жаловались, что вместо проведения публичного разбирательства, Конституционный суд заслушал дело при закрытых дверях; они не имели доступа к судебному досье и полному стенографическому отчету слушания. Они полагали, что это составляет нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.

Правительство и Комиссия считают, что статья 6 п. 1 не применима к обстоятельствам дела.

На основании своего заключения относительно соблюдения статьи 11, Суд полагает, что нет необходимости рассматривать эту жалобу.

V. Применение статьи 50 Конвенции

Статья 50 Конвенции предусматривает:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Аннулирование решение о роспуске

Заявители прежде всего ходатайствовали об аннулировании решения Конституционного суда от 10 июля 1992 г. о роспуске СП. Они также добивались “статуса признанной политической партии “ для СП.

Суд констатировал, что он не правомочен согласно Конвенции принимать такие меры (см. *mutatis mutandis* судебное решение по делу *Сауди против Франции* от 20 сентября 1993 г. Серия А, т. 261-С, с. 57, п. 47).

V. Ущерб и издержки и расходы

Что касается возмещения материального ущерба, то заявители потребовали 1 500 000 долларов США: 1 000 000 в пользу СП и по 250 000 г-ну Дугу Перинчеку и г-ну Илхану Кириту. Они также потребовали 6 000 000 долларов США в качестве возмещения морального вреда.

В поддержку своих требований они подчеркнули, что СП имела более 400 отделений по всей Турции, все ее имущество было конфисковано; она имела право выставлять кандидатов на выборах, принимала участие и на

момент роспуска была единственной существующей левой социалистической партией. Согласно заявителям, тысячам людей, которые помогли создать СП, просуществовавшую четыре года, и руководителям этой партии был причинен существенный моральный вред и финансовые убытки.

Заявители также требовали “компенсации всех затрат, которые они понесли в связи с делом”. При разбирательстве в Суде, они объяснили, что гонорар и затраты 308 адвокатов, которые представляли СП только в Конституционном суде, составили сумму в 1 955 800 французских франков. Что касается затрат в связи с представительством заявителей в учреждениях Конвенции, то они составили сумму в 300 000 французских франков.

Правительство заняло принципиальную позицию, что в данном случае никакая компенсация не должна выплачиваться. В субсидиарном порядке оно полагало требования заявителей непомерными. Во втором субсидиарном порядке оно утверждало, что нарушение статьи 11 не дает заявителям права требовать индивидуального возмещения.

Относительно возмещения предполагаемого материального ущерба Правительство утверждало, что не существует никакой причинной связи между ним и роспуском СП, что политические партии и их руководителей нельзя приравнивать к коммерческим предприятиям и что в любом случае их требования не подтверждены никакими точными расчетами.

Что касается требований относительно возмещения морального вреда, то Правительство полагало, что они заслуживали “еще меньшего доверия”, т. к. они не только непомерны, но и включали требование о возмещении морального ущерба, предположительно причиненного непосредственно СП.

Наконец, что касается требований о возмещении издержек и расходов, Правительство сочло их недостаточно уточненными.

Представитель Комиссии утверждал, что требования заявителей, носят весьма общий и гипотетический характер и недостаточно обоснованы для их удовлетворения в соответствии со статьей 50.

Суд обратил внимание на то, что заявители не представили никаких доказательств по обоснованию своих требований на значительные суммы в виде возмещения материального ущерба, издержек и расходов. Отсюда вытекает, что он не может поддержать эти требования (см. *mutatis mutandis* судебное решение по делу “Прессос компания Навьера С. А.” и другие против Бельгии от 3 июля 1997 г. (статья 50). Reports, 1997-IV, с. 1299, п. 24). Однако он отметил, что заявители получили 57 187 французских франков от Совета Европы в качестве судебной помощи.

Что касается возмещения морального вреда, то Суд отметил, что в отличие от ОКПТ устав и программа СП не вызвали возражений Конституционного суда, и партия осуществляла свою деятельность в течение четырех лет до ее роспуска по решению этого суда. Г-н Перинчек и г-н Кирит поэтому не понесли никакого определенного морального ущерба. Основывая свой расчет на праве справедливости, Суд оценивает сумму ущерба в 50 000 французских франков каждому.

С. Проценты за просрочку

68. Согласно информации, имеющейся у Суда, установленная законом процентная ставка, существующая во Франции на дату принятия настоящего решения, составляет 3,36 % в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
2. *Постановил*, что нет необходимости исследовать, имело ли место нарушение статьи 6 п. 1, статей 9, 10, 14 и 18 Конвенции и статей 1 и 3 Протокола № 1;
3. *Постановил*:
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить г-ну Перинчеку и г-ну Кириту в течение трех месяцев общую сумму в 50 000 (пятьдесят тысяч) французских франков каждому в качестве возмещения за моральный вред, которая должна быть конвертирована в турецкие лиры по курсу на день платежа; и
 - (б) что к указанной сумме прибавляются простые проценты по ставке в 3,36 % годовых с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до совершения платежа;
4. *Отклонил* остальные требования справедливого возмещения.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 25 мая 1998 г.

Рудольф Бернхардт
Председатель

Герберт Петцольд
Грефье